

Право военной оккупации через призму права прав человека

Данио Кампанелли*

Данио Кампанелли ведет исследовательскую деятельность на юридическом факультете Женевского университета и является кандидатом на соискание степени доктора наук (Ph. D.) в Женевском Институте международных исследований и исследований в области развития.

Краткое содержание

В настоящей статье рассматриваются дебаты, касающиеся общих взаимоотношений права вооруженных конфликтов и прав человека и особенно применимость прав человека во время военной оккупации. Дополнительность и совместимость должны оцениваться в каждом конкретном случае на основании норм, составляющих каждый из этих режимов, и любых исключений, которые содержатся в этих нормах. Различные интересы и ценности, о которых идет речь, — интересы оккупирующих сил и интересы гражданского населения, защита прав человека и отступления от обязательств, необходимые для поддержания порядка, — обнажают многие серые зоны, которые возникают при взаимодействии права прав человека и права военной оккупации.

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

Традиционно право войны считалось не только *lex specialis* по отношению к праву, применимому в мирное время, но и сводом норм, применя-

* Автор хотел бы поблагодарить г-жу Синтию Винкельман за ее ценные советы.

емым *исключительно* во время вооруженных конфликтов¹, все остальные нормы автоматически считались временно не действующими.

Как в 1975 г. указывал Жан Пикте, «гуманитарное право действует только в случае вооруженного конфликта, в то время как права человека применяются в основном в мирное время»². Это разделение права войны и права мирного времени, а следовательно, и права вооруженных конфликтов и права прав человека основано на развитии отношений *lex specialis*–*lex generalis*, в соответствии с которыми одно исключает другое в зависимости от того, имеет ли место вооруженный конфликт. Это разделение прослеживается и на институциональном уровне — Организация Объединенных Наций и целый ряд региональных организаций специализируются на правах человека, в то время как Международный Комитет Красного Креста специализируется в области гуманитарного права³.

Впечатляющее развитие, которое в последние десятилетия получило право прав человека, когда появились многие как универсальные, так и региональные договоры, а также «основное ядро» прав обычного характера или характера *jus cogens* (общего международного права), не могло не повлиять на право вооруженных конфликтов в целом и на право военной оккупации в частности. Это правовые режимы, которые должны обеспечить защиту людям.

Таким образом, наконец, был поднят вопрос, хотя несколько запоздало и осторожно, о необходимости по-новому определить взаимоотношения между правом войны и правами человека. Только в 2005 г. Ян Броунли, Специальный докладчик Комиссии международного права о воздействии вооруженных конфликтов на договоры, отметил в своем первом докладе, что «[в] соответствующей литературе содержится очень мало ссылок на статус в данных целях международных договоров о защите прав человека»⁴. К счастью, возрастает интерес правоведов к этому важному вопросу.

Общее обсуждение отношений между правами человека и вооруженными конфликтами привело к вопросу о применимости прав

1 См.: Adam Roberts, 'Transformative military occupation: applying the laws of war and human rights', *American Journal of International Law* (2006), p. 589.

2 Jean Pictet, *Humanitarian Law and the Protection of War Victims*, Sijthoff/Henry Dunant Institute, Leyden/Geneva, 1975, p. 15.

3 Ibid.

4 Первый доклад о воздействии вооруженных конфликтов на международные договоры (Доклад Специального докладчика Комиссии международного права), UN Doc. A/CN.4/552, 21 апреля 2005 г., ч. 84.

человека во время военной оккупации. Это весьма интересный вопрос в силу особого характера военной оккупации — периода между войной и миром, который характеризуется возвращением к мирной жизни и установлением особых правовых отношений между оккупирующей армией и гражданским населением оккупированной страны. Поэтому в настоящей статье сделана попытка кратко изложить дискуссию, касающуюся отношений в целом между правом вооруженных конфликтов и правами человека, а затем более подробно проанализировать применимость прав человека во время военной оккупации.

Совместимые и несовместимые аспекты права вооруженных конфликтов и права прав человека

Право вооруженных конфликтов и право прав человека не были сформированы *ex nihilo*. И то и другое возникло из тех же самых метаюридических требований: повысить уровень уважения к человеку и его достоинству, для того, чтобы оградить его от правонарушений со стороны государства. Кроме того, процессы кодификации этих двух отраслей международного права в конце 1940-х гг. стимулировались одним и тем же желанием преодолеть фашистские эксперименты первой половины XX столетия, в ходе которых попирались права нескольких категорий людей до и во время Второй мировой войны⁵.

Усилия международного сообщества, таким образом, привели, с одной стороны, к принятию Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., которая считается сейчас текстом, кодифицирующим основные права человека, а с другой стороны, к заключению четырех Женевских конвенций 1949 г.⁶, посвященных защите некоторых категорий лиц во время вооруженных конфликтов.

И хотя Всеобщая декларация не пытается построить мост между правами человека и правом войны, материалы подготовительной работы (*travaux préparatoires*) к принятию четырех Женевских конвенций 1949 г. свидетельствуют о том, что их составители и те, кто участвовал в переговорах, осознавали наличие проблемы взаимоотношений между этими двумя правовыми режимами. Многие делегаты предлага-

5 Как отметил Международный Комитет Красного Креста, «в 1945 г. окончилась война, которая велась в беспрецедентных масштабах; после этого встала задача развить и привести в соответствие со временем гуманитарные элементы международного права в свете накопленного опыта». *The Geneva Conventions of 12 August 1949*, ICRC, Geneva, 1989, preliminary remarks, p. 2. См. также: Roberts, примечание 1 выше, с. 590.

6 Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны.

ли прояснить отношения между Всеобщей декларацией и Женевскими конвенциями, но эти предложения не были приняты⁷. В результате оба свода норм продолжали развиваться параллельными путями, которые не должны были пересекаться. В течение нескольких десятилетий большинство правоведов, которые рассматривали применимость прав человека во время войны, принимали как само собой разумеющееся положение о том, что эти два режима существуют отдельно друг от друга и, следовательно, что, в общем, право прав человека не применимо во время конфликтов⁸. Поэтому интересно отметить кажущийся парадокс: несмотря на одно и то же происхождение, права человека и право войны не могли в тот период быть согласованы друг с другом.

Сейчас правовая доктрина признает, что в силу своего характера *lex generalis* право прав человека применяется во всякое время, как в мирное, так и во время войны. Это сравнительно недавний свод норм, цель которого заключается в том, чтобы стать общим и универсальным, и который имеет важную специфическую черту: вертикальный характер правовых взаимоотношений, когда с одной стороны есть государство, а с другой — люди, находящиеся в сфере его юрисдикции. Это уникальное явление в международной системе, регулируемой нормами, которые по сути своей являются межправительственными (и поэтому горизонтальными). Таким образом, норма права прав человека не может преобладать над специальной нормой, направленной на регулирование той же самой ситуации, как, например, в случае обращения с гражданскими лицами во время вооруженных конфликтов.

Право вооруженных конфликтов, со своей стороны, в силу своего характера специального права не может с легкостью быть приведено в соответствие с правом прав человека. Прежде всего следует отметить, что одновременно с появлением международного права прав человека право вооруженных конфликтов оснастило себя посредством Женевских конвенций 1949 г. обширным набором норм по защите определенных категорий лиц. Тот факт, что право войны прошло несколько этапов кодификации (Гаага в 1907 г. и Женева в 1949 и 1977 гг.) именно соответствующих положений, является еще одним свидетельством постоянного стремления государств — в том,

7 По этому вопросу см.: *Кольб, Робер*. Взаимосвязь международного гуманитарного права и права прав человека. Из истории создания Всеобщей декларации прав человека и Женевских конвенций // *Международный журнал Красного Креста*. 1998. № 22. С. 493–504.

8 См., например: Yoram Dinstein, 'Human rights in armed conflict: international humanitarian law', in Theodor Meron (ed.), *Human Rights in International Law*, Oxford University Press, Oxford, 1985, p. 345 ff.; Pictet, примечание 2 выше.

что касается и отношений между государствами-участниками, и защиты жертв конфликта, — иметь отдельный свод норм, регулирующих вооруженные конфликты⁹. Другими словами, право войны традиционно принимало форму правового режима, стремившегося охватить весь спектр ситуаций, которые можно только себе представить во время вооруженного конфликта, в том числе и некоторые из тех, что могут регулироваться при помощи стандартов прав человека.

Таким образом, право вооруженных конфликтов, выступая в качестве *lex specialis*, содержит нормы, имеющие преимущественную силу в отношении некоторых защитных норм прав человека. Действительно, в тех случаях, когда право войны имеет отношение к гражданским лицам, регулируя ситуацию такими способами, которые совместимы с режимом, установленным для тех же ситуаций правом прав человека, этот конфликт норм обычно решается в пользу специальной нормы права вооруженных конфликтов. Особый характер права вооруженных конфликтов позволяет поэтому отступить от выполнения обязательств в соответствии с общими нормами, такими как нормы права прав человека.

Тем не менее, хотя совершенно справедливо, что право вооруженных конфликтов обладает преимущественной силой во время конфликтов благодаря своему характеру *lex specialis*, также справедливо, что нормы, обеспечивающие защиту прав человека (*leges generales*) могут продолжать применяться во время конфликта при определенных условиях: во-первых, их применение должно быть возможным *ratione personae*, а если речь идет о договорной норме — *ratione loci*; во-вторых, они не должны вступать в конфликт со специальной нормой права вооруженных конфликтов; и в-третьих, не должны допускать отступлений от обязательств в случае войны, чрезвычайного положения или аналогичной ситуации, которая может ограничить или предотвратить их применение во время вооруженного конфликта.

Более того, принцип универсальности прав человека вместе с принципом гуманности, который в международном гуманитарном праве принимает форму оговорки Мартенса, приводит к такому толкованию, в соответствии с которым гуманитарное право должно теперь рассматриваться не как альтернатива праву мира, а скорее как простое исключение из применения этого права в полном объеме¹⁰.

9 Dietrich Schindler, 'The International Committee of the Red Cross and human rights', *International Review of the Red Cross*, No. 208 (1979), p. 14.

10 Orna Ben-Naftali and Yuval Shany, 'Living in denial: the application of human rights in the Occupied Territories', *Israel Law Review*, (2003–4), p. 42.

Европейская конвенция о правах человека (ЕКПЧ) и Американская конвенция о правах человека четко предусматривают возможность отступления от обязательств в случае войны¹¹. Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) формулирует это следующим образом: «...чрезвычайно[е] положение[е] в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой»¹², что согласно юриспруденции и правовой теории включает и условия войны и военной оккупации¹³. Все эти положения, допускающие ограничение некоторых прав человека во время войны или чрезвычайного положения, должны рассматриваться как механизмы приспособления каждого из этих текстов к таким чрезвычайным обстоятельствам, как война или военная оккупация. Такие механизмы приспособления были бы нецелесообразны, если бы не предполагалось, что эти конвенции применимы во время вооруженных конфликтов¹⁴. И наоборот, тот факт, что некоторые документы по защите прав человека не содержат положений об отступлении от обязательств — как, например, Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт 1966 г. об экономических, социальных и культурных правах, — не должен обязательно толковаться как автоматически приостанавливающий действие договоров в случае вооруженного конфликта, поскольку отсутствие таких положений свидетельствует как раз о желании сделать эти документы применимыми во время войны¹⁵. В общем, при применении положений, регулирующих конфликты между специальными и общими нормами, должна существовать возможность определить, в какой степени такие инструменты применяются в этих случаях.

Что касается Дополнительного протокола I от 1977 г. к четырем Женевским конвенциям, то его статья 72 уточняет, что положения Раздела III Протокола I (озаглавленного «Обращение с лицами, находящимися во власти стороны, находящейся в конфликте») являются дополнением не только к Женевской конвенции IV, но и к «другим применяемым нормам международного права, относящимся к защите основных прав человека в период международных вооруженных конфликтов»¹⁶.

11 Европейская конвенция, статья 15 (1), Американская конвенция, статья 27.

12 МПГПП, статья 4 (1).

13 Ben-Naftali and Shany, примечание 10 выше, с. 50. См., в частности: the Concluding Observations of the Human Rights Committee: Israel, UN Doc. CCPR/CO/78/ISR (2003), 5 August 2003, para. 11.

14 Eyal Benvenisti, 'The applicability of human rights conventions to Israel and to the Occupied Territories', *Israel Law Review* (1992), p. 29.

15 Ben-Naftali and Shany, примечание 10 выше, с. 49.

16 Roberts, примечание 1 выше, с. 591.

Исходя из вышесказанного важно подчеркнуть, что в качестве правового режима право прав человека априори не является несовместимым с правом вооруженных конфликтов. Не существует абсолютного принципа, в силу которого все нормы, которые вместе составляют право прав человека, без исключения и независимо от их содержания перестают быть юридически действующими во время вооруженных конфликтов только потому, что они принадлежат этому правовому режиму. И наоборот, как будет показано далее, есть случаи, когда *определенные* нормы права прав человека не применимы во время вооруженного конфликта, поскольку они вступают в противоречие со *специальными* нормами гуманитарного права. Из этого следует, несмотря на позицию, занятую некоторыми авторами, что вопрос о совместимости права прав человека и права войны не должен ставиться в плане совместимости правовых режимов, но должен решаться в каждом конкретном случае на основании норм, составляющих каждый из этих режимов, и любых исключений, которые эти нормы содержат¹⁷.

Применение права прав человека во время вооруженных конфликтов

Идея о том, что права человека в общем применимы во время конфликтов, получила распространение в основном благодаря позиции, занятой в этом отношении Организацией Объединенных Наций. Постоянная практика ООН вновь и вновь подтверждала применимость прав человека во время вооруженных конфликтов и военной оккупации¹⁸. Генеральная Ассамблея ООН, в частности, ставила вопрос о соблюдении прав человека во время вооруженных конфликтов в свою повестку дня в течение нескольких лет подряд — с 1968 по 1977 г. Тесная связь

- 17 О дальнейшем развитии отношений между правами человека и гуманитарным правом (эта тема не может быть рассмотрена в настоящей статье) см.: Marco Sassòli, 'Le droit international humanitaire, une *lex specialis* par rapport aux droits humains?', in Andreas Auer, Alexandre Flückiger and Michel Hottelier (eds.), *Les droits de l'homme et la constitution — Etudes en l'honneur du Professeur Giorgio Malinverni*, Schulthess, Geneva, 2007, pp. 375–95; 'La Cour européenne des droits de l'homme et les conflits armés', in Stephan Breitenmoser et al. (eds.), *Droits de l'homme, démocratie et Etat de droit — Liber amicorum Luzius Wildhaber*, Nomos Publishers, Baden-Baden, 2007, pp. 709–31; Cordula Droege, 'The interplay between international humanitarian law and international human rights law in situations of armed conflict', *Israel Law Review* (2007), pp. 310–55.
- 18 См. в связи с этим резолюции Генеральной Ассамблеи: 2444 (XXIII) от 19 декабря 1968 г., 2674 (XXV) от 9 декабря 1970 г., 2852 (XXVI) от 20 декабря 1971 г., 2853 (XXVI) от 20 декабря 1971 г., 3032 (XXVII) от 18 декабря 1972 г., 3102 (XXVIII) от 11 декабря 1973 г., 3319 (XXIX) от 14 декабря 1974 г., 3500 (XXX) от 15 декабря 1975 г., 31/19 от 24 ноября 1976 г. и 32/44 от 8 декабря 1977 г.; резолюции Совета Безопасности: 1265 (1999) и 1296 (2000); а также доклады Генерального секретаря, UN Docs. S/1999/957 и S/2005/740.

между правами человека и гуманитарным правом была подчеркнута Ассамблеей в резолюции 2853 (XXVI), где сказано, что «эффективная защита прав человека в обстановке вооруженных конфликтов зависит в первую очередь от всеобщего уважения норм гуманности»¹⁹.

Тем не менее Генеральная Ассамблея была в основном обеспокоена неадекватностью гуманитарных норм, когда речь шла о защите прав человека²⁰. Это заставило ее подчеркнуть необходимость «подтверждения и развития соответствующих норм, а также других мер для обеспечения более надежной защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов»²¹ и призвать все государства «широко распространять информацию и предоставлять инструкции, касающиеся прав человека в период вооруженных конфликтов, и принимать все необходимые меры для обеспечения полного соблюдения их собственными вооруженными силами норм гуманности, применяемых в период вооруженных конфликтов»²².

После 1977 г. этот вопрос более не включался в повестку дня Ассамблеи. В то время принятие Дополнительных протоколов I и II к Женевским конвенциям представлялось Ассамблеей достаточной мерой для решения проблем, касающихся защиты прав человека во время вооруженных конфликтов.

Начиная с 1999 г. Совет Безопасности ООН принимает целый ряд резолюций, в которых говорится уже не об «уважении прав человека в период вооруженных конфликтов», но, скорее, о «защите гражданских лиц во время вооруженных конфликтов». Подход Совета Безопасности, хотя его формулировки отличаются от формулировок Ассамблеи, кажется, совпадает по направлению с резолюциями пленарного органа, за исключением того, что Совет сконцентрировал свое внимание на страданиях гражданского населения. В своих резолюциях Совет «настоятельно призывает все соответствующие стороны строго соблюдать свои обязательства согласно международному гуманитарному праву, нормам в области прав человека и праву беженцев»²³ и подтверждает

19 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2853 (XXVI) от 29 декабря 1971 г., преамбула, ч. 4.

20 «Признавая, что существующие нормы гуманности, касающиеся вооруженных конфликтов, не во всех отношениях отвечают требованиям современных условий и что поэтому необходимо более строго применять эти нормы и улучшать их по существу»... Ibid., преамбула, ч. 5. См. также: резолюцию Генеральной Ассамблеи 3032 (XXVII) от 18 декабря 1972 г. преамбула, ч. 3; и преамбулу, ч. 1, резолюций ГА ООН: 3319 (XXIX) от 14 декабря 1974 г.; 3500 (XXX) от 15 декабря 1975 г. и 31/19 от 24 ноября 1976 г.

21 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2852 (XXVI) от 20 декабря 1971 г., ч. 3 (b).

22 Ibid., ч. 6.

23 Резолюция Совета Безопасности 1265 (1999), ч. 4.

«важное значение соблюдения соответствующих положений международного гуманитарного права, стандартов в области прав человека и права беженцев»²⁴. Более того, с самого начала оккупации Ирака силами США и Великобритании в 2003–2004 гг. Совет подчеркивал важность международного гуманитарного права и права прав человека²⁵.

Генеральный секретарь ООН представил несколько докладов о защите гражданского населения во время вооруженных конфликтов. В его докладе от 8 сентября 1999 г. утверждается, что

«в международном гуманитарном праве для сторон в вооруженном конфликте заложены нормы в отношении обращения с гражданскими лицами и другими лицами, пользующимися защитой<...> В международном праве в области прав человека также предусмотрены правовые нормы, действие которых не может частично отменяться или приостанавливаться в условиях введения в государстве чрезвычайного положения»²⁶.

Генеральный секретарь считает, что уважение гуманитарного права, права прав человека и права беженцев является одним из наиболее эффективных средств обеспечения более действенной защиты гражданским лицам во время вооруженных конфликтов²⁷.

И наконец, Международный суд признал применимость права прав человека во время вооруженных конфликтов даже в экстремальной ситуации, связанной с применением ядерного оружия. В частности, по мнению Суда «защита, обеспечиваемая Международным пактом о гражданских и политических правах, не прекращается во время войны»²⁸. Суд также подтвердил и уточнил это утверждение в Консультативном заключении относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории, а также позднее в деле о вооруженной деятельности на территории Конго²⁹.

24 Резолюция Совета Безопасности 1296 (2000), ч. 19.

25 См.: резолюции Совета Безопасности ООН 1483 (2003) и 1546 (2004).

26 Доклад Генерального секретаря Совету Безопасности по вопросу о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте, UN Doc. S/1999/957, 8 сентября 1999 г., ч. 6.

27 Ibid., ч. 35.

28 Международный суд, Консультативное заключение относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, ч. 25.

29 Международный суд, Консультативное заключение относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории, 2004, 9 июля 2004 г., ч. 106; *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Judgment, ICJ Reports 2005, para. 216.

Право военной оккупации и право прав человека

Если обратиться теперь к военной оккупации, то следует с самого начала провести различие между ней и ситуацией вооруженного конфликта. Военная оккупация во многом отличается от ситуации вооруженного конфликта: оккупант контролирует оккупированную территорию, не ведутся серьезные военные операции в оккупированной зоне и восстановлен минимальный уровень порядка и безопасности, что позволяет в какой-то степени вернуться к мирной жизни. Тот факт, что оккупирующая сторона в достаточной степени контролирует ситуацию для установления своей власти — *condicio sine qua non*, условие, необходимое для установления факта оккупации и характерный элемент определения, которое дается в статье 42 Гаагского положения, — способствует выполнению задачи по стабилизации обстановки на оккупированной территории. Такую задачу оккупирующая сторона может выполнить благодаря административным полномочиям и той власти, которые предоставляются ей правом оккупации. Другими словами, право оккупации требует, чтобы оккупант принимал во внимание некоторые потребности населения, проживающего на оккупированной территории, и предоставляет оккупанту необходимые для этого правовые инструменты³⁰.

В этом отношении право оккупации несколько напоминает право мирного времени, оставаясь в то же время отраслью права войны. В конце концов вооруженный конфликт между оккупантом и оккупированной стороной на самом деле не закончился, и это означает, что военная оккупация действительно является промежуточной ситуацией между войной и миром³¹. Право военной оккупации отражает этот двойственный характер оккупации — в него входят как нормы права войны, так и нормы права мирного времени. Действительно, нормы, составляющие право военной оккупации, были продиктованы необходимостью регулировать два типа отношений. Во-первых, отношения между оккупирующим государством и оккупированной страной, то есть горизонтальные межгосударственные отношения, характеризующиеся существованием состояния войны и поэтому все еще регулируемые типичными нормами права войны. А во-вторых, отношения между оккупирующим государством и гражданским населением оккупированного государ-

30 По этому вопросу см.: Yoram Dinstein, 'The international law of belligerent occupation and human rights', *Israel Yearbook on Human Rights*, 1978, p. 112.

31 Philippe Burrin, 'Entre guerre et paix: l'occupation militaire', in Michel Porret, Jean-François Fayet and Carine Fluckiger (eds.), *Guerres et paix: Mélanges offerts à Jean-Claude Favez*, Georg, Geneva, 2000, pp. 257–66.

ства, то есть вертикальные внутригосударственные отношения, менее отмеченные продолжающимся вооруженным конфликтом и поэтому характеризующиеся нормами, почерпнутыми из принципов, действующих в мирное время. Этот второй аспект права военной оккупации является точкой соприкосновения между данным правовым режимом и правом прав человека. У этих корпусов права есть еще одна общая черта: цель предоставить защиту достоинству человека. Принимая во внимание эти факты, можно сказать, что оба правовых режима, по крайней мере на бумаге, совместимы по своему характеру и способны к координации, с тем чтобы обеспечить более эффективную защиту правам населения, проживающего в условиях оккупации. Давайте поэтому рассмотрим, как далеко может простираться такая совместимость, принимая во внимание природу и структуру *sui generis* каждого из этих правовых режимов, а также области их несовместимости.

Применимость права прав человека во время военной оккупации

Вообще, применимость права прав человека во время военной оккупации была неоднократно подтверждена прецедентным правом и практикой³². Как отмечает один автор, «априори не существует причин, по которым многосторонние конвенции по вопросам [иным, нежели оккупация], не должны применяться по отношению к оккупированным территориям»³³. Данное предположение справедливо и в отношении конвенций по защите прав человека. Тем не менее это не вопрос замены права оккупации правом прав человека. С учетом того факта, что право оккупации является специальным правом, оно, по вполне

32 Европейский суд по правам человека сделал это дважды: в делах «Луазиду против Турции» (1996) и «Кипр против Турции» (2001). Аналогичным образом Международный суд в своем Консультативном заключении от 9 июля 2004 г. (Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, примечание 29 выше, чч. 107–112) подтвердил применимость Международного пакта о гражданских и политических правах к ситуации на палестинской территории. См. также: Concluding Observations of the Human Rights Committee: Israel, UN Doc. CCPR/C/79/Add.93, 18 August 1998, para. 10, [www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/CCPR.C.79.Add.93.En?OpenDocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CCPR.C.79.Add.93.En?OpenDocument) (последнее посещение 21 октября 2008 г.), и Concluding Observations of the Human Rights Committee: Israel, UN Doc. CCPR/CO/78/ISR, 21 August 2003, para. 11, [www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/CCPR.CO.78.ISR.En?OpenDocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CCPR.CO.78.ISR.En?OpenDocument) (последнее посещение 21 октября 2008 г.). И наконец, следует отметить, что целый ряд недавно изданных военных наставлений — включая военное наставление 2004 г. Соединенного Королевства содержит ссылки, касающиеся уважения прав человека во время военных операций (см.: *The Manual of the Law of Armed Conflict*, UK Ministry of Defence, Oxford University Press, Oxford 2004, p. 282, para 11.19).

33 Roberts, примечание 1 выше, с. 589.

понятным причинам, часто лучше приспособлено к конкретной ситуации военной оккупации³⁴. Это, например, справедливо в отношении защиты частной собственности, одного из прав человека, в отношении которого обычно допускается отступление от обязательств в соответствии с правом прав человека и применим специальный режим во время оккупации согласно праву оккупации³⁵.

Как уже говорилось, некоторые конвенции о защите прав человека, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о правах человека и Американская конвенция о правах человека, предусматривают возможность ограничения некоторых прав человека во время войны и (или) чрезвычайного положения, поэтому они применимы во время вооруженных конфликтов или военной оккупации³⁶. Также указывалось, что объем применимости некоторых инструментов, не предусматривающих отступлений от обязательств в случае конфликта или любой другой чрезвычайной ситуации, таких как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, будет определяться в соответствии с тем, существуют ли специальные нормы права войны или права военной оккупации, которые могут вступать в конфликт с их положениями и, таким образом, иметь преимущество в качестве *lex specialis*.

Всеобщая декларация прав человека, со своей стороны, заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку, во-первых, она не предусматривает возможности отступления от обязательств в случае чрезвычайных ситуаций, а во-вторых, в ее статье 2 (2) добавлен элемент, который имеет отношение к ситуации военной оккупации:

«...не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся *или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете*»³⁷ (курсив автора. — Ред.).

34 Michael Dennis, 'Application of human rights treaties extraterritorially in times of armed conflict and military occupation', *American Journal of International Law* (2005), p. 139; Roberts, примечание 1 выше, с. 600.

35 См. об этом: Гагское положение о законах и обычаях сухопутной войны, Гаага, 18 октября 1907 г., статьи 46, 47 и 52.

36 См. текст в примечаниях 11–13 выше.

37 Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.; резолюция Генеральной Ассамблеи 217 А (III) от 10 декабря 1948 г., статья 2.

Формулировку «как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете» можно толковать как учитывающую ситуацию военной оккупации. В этом случае Всеобщая декларация будет применяться к военной оккупации — ситуации, конкретно характеризуемой серьезными ограничениями суверенитета оккупированного государства

Но как бы то ни было, нельзя отрицать существование основного ядра прав человека, которые считаются не допускающими отступлений как в мирное время, так и во время войны. Кроме Всеобщей декларации существуют, например, нормы, отступление от которых согласно статье 4 (2) Международного пакта о гражданских и политических правах не допустимо ни при каких обстоятельствах³⁸. Интересно отметить почти полное соответствие между основным ядром прав человека и основными правами лиц, находящихся под защитой гуманитарного права. Пикте выделил по крайней мере три общих основополагающих принципа права прав человека и гуманитарного права: неприкосновенность личности, недопустимость дискриминации и обеспечение безопасности личности³⁹. Эти три основополагающих принципа служат основой для целого ряда прав человека — права на жизнь, права на справедливый суд, защиту от произвольного ареста или содержания под стражей, запрета пыток и любого другого вида бесчеловечного или унижительного обращения, недопустимости дискриминации, защиты семьи, запрещения рабства, свободу мысли, совести и религии и т.д., которые существуют с очень небольшими вариациями в обоих корпусах права⁴⁰.

Хотя считается теперь, что свод норм, которые составляют право военной оккупации, носит характер обычного права (и поэтому должен соблюдаться всеми государствами международного сообщества) нередко бывает, что отдельные права человека включаются в договорные инструменты часто регионального характера, которые связывают только государства-участники в отношении любого лица, находящегося в сфере их юрисдикции. Между защитным режимом, устанавливаемым обычным правом прав человека и режимом, содержащимся, например, в таких региональных документах, как Европейская

38 Это следующие права: право на жизнь (статья 6), запрет на пытки и другие виды жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (статья 7), запрет рабства и содержания в подневольном состоянии (статья 8, ч. 1 и 2), запрет на арест на том основании, что человек не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство (статья 11), принцип *nulla poena sine lege* (статья 15), право на признание правосубъектности (статья 16) и право на свободу мысли, совести и религии (статья 18).

39 Pictet, примечание 2 выше, с. 34 и далее.

40 Ben-Naftali and Shany, примечание 10 выше, с. 52–3.

конвенция о правах человека или Американская конвенция о правах человека, могут быть важные различия. Поэтому оккупанту необходимо точно знать с самого начала ведения военных действий, какие нормы права прав человека он должен соблюдать.

Далее, с точки зрения *ratione loci*, мы не должны пренебрегать нежеланием некоторых государств признавать, что оккупированная территория находится в сфере юрисдикции оккупирующей державы⁴¹, даже несмотря на то что правовая доктрина последнего времени и прецедентное право признают, что это так. Комитет по правам человека заявил, что

«[п]рименимость режима международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта не мешает применению Пакта, включая статью 4, которая касается чрезвычайных ситуаций, угрожающих жизни нации. Не отменяет применимость режима международного права и ответственности государств-участников в соответствии со статьей 2, ч. 1, Пакта за действия их представителей за пределами их собственной территории»⁴².

Этой точки зрения придерживается и целый ряд международных организаций, действующих в области защиты прав человека⁴³. Если говорить о прецедентном праве, то Международный суд в своем Консультативном заключении о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории четко заявил, что Международный пакт о гражданских и политических правах должен применяться к оккупированным территориям:

41 См., в частности, позицию Израиля и Соединенных Штатов, *ibid.*, с. 17 и сл.

42 Concluding Observations: Israel, примечание 32 выше, ч. 11.

43 В качестве примера см.: Concluding Observations of the Committee on the Rights of the Child: Israel, UN Doc. CRC/C/15/Add.195, 9 October 2002 (Комитет по правам ребенка, Заключительные замечания: Израиль), где Комитет подтверждает, что Конвенция о правах ребенка применяется на оккупированных палестинских территориях (ч. 2); см. также: Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Заключительные замечания, UN Doc. CERD/C/304/Add.45, 30 марта 1998 г., где Комитет предлагает Израилю представить доклад о выполнении международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации «во всех реально контролируемых им районах» (ч. 12); и наконец, см.: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Заключительные замечания, UN Doc. E/C.12/1/Add.69, 31 августа 2001 г., где Комитет, подтвердив применимость Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах во время военной оккупации (ч. 11), указывает, что «основополагающие права человека должны соблюдаться даже во время вооруженного конфликта и что основные экономические, социальные и культурные права, являясь частью минимальных стандартов в области прав человека, гарантируются в соответствии с обычным международным правом, и их соблюдение также предписывается международным гуманитарным правом» (ч. 12).

«В заключение Суд считает, что Международный пакт о гражданских и политических правах применим в отношении действий, совершаемых государством при осуществлении своей юрисдикции за пределами собственной территории»⁴⁴.

Особенно интересно в связи с экстерриториальной применимостью конвенций о защите прав человека дело Аль-Скейни. Иск был подан в Апелляционный суд Великобритании в 2005 г. иракскими гражданскими лицами, которые стали жертвами нарушений прав человека в Ираке, совершенных британскими солдатами во время оккупации страны в 2003–2004 гг. Суд рассмотрел понятие экстерриториальной юрисдикции Соединенного Королевства в Ираке для целей выполнения Европейской конвенции о правах человека и Акта о правах человека 1998 г., признав, что по крайней мере одно из тех гражданских лиц (а именно г-н Муса) находилось под эффективным контролем вооруженных сил Великобритании. Это означало, что Европейская конвенция о правах человека и Акт о правах человека применялись в той части Ирака, которая была оккупирована Великобританией, и что британский судья обладал юрисдикцией для слушания этого дела⁴⁵. Однако экстерриториальность Европейской конвенции и Акта о правах человека была ограничена Апелляционным судом случаями, когда оккупирующая держава осуществляла эффективный контроль над соответствующими лицами:

«Совершенно невозможно утверждать, что Великобритания, хотя она и является оккупирующей державой по смыслу Гаагского положения и Женевской конвенции IV, осуществляла эффективный контроль над Басрой для целей судебной практики в соответствии с ЕКПЧ, в соответствующее время... Соединенное Королевство не обладало ни исполнительной, ни законодательной или судебной властью в Басре, осуществляя лишь ограниченные властные полномочия, предоставленные его вооруженным силам, и в качестве оккупирующей державы оно должно было уважать действующие в Ираке законы, если только у него была такая возможность... Это нельзя было приравнять к гражданской власти: силы Великобритании про-

44 Примечание 32 выше, ч. 111.

45 *The Queen ex parte Al-Skeini and Others v. Secretary of State for Defence*, England and Wales Court of Appeal [2005] EWCA Civ 1609, 21 December 2005, www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2005/1609.html (последнее посещение 21 октября 2008 г.).

сто находились там для обеспечения безопасности и оказания поддержки гражданской администрации в Ираке различными способами»⁴⁶.

Апелляционный суд ограничил свою аргументацию применимостью законодательства о правах человека, которое было обязательным для Соединенного Королевства. На самом деле у Апелляционного суда не было необходимой компетенции для распространения своей аргументации на вопросы гуманитарного права. Однако он не смог избежать некоторых ссылок на право военной оккупации, потому что факты этого дела имели место во время британской военной оккупации города Басра. Суд четко признал существование военной оккупации и провел различие между применимостью гуманитарного права и права прав человека в Ираке, придя к заключению, что Соединенное Королевство не обладало юрисдикцией по смыслу статьи 1 ЕКПЧ в отношении пяти из шести жертв, то есть тех, кто был убит в результате инцидентов, которые произошли тогда, когда там действовала армия Великобритании. Что касается шестой жертвы, г-на Мусы, Суд пришел к выводу, что он находился под контролем армии Великобритании для целей ЕКПЧ и что Акт о правах человека применим к нему, потому что во время его смерти он содержался под стражей силами Великобритании⁴⁷.

В результате, как представляется, английский Апелляционный суд ввел два различных определения оккупации: одно, которое характеризуется эффективным контролем оккупирующей державы над местами и людьми и допускает применение ЕКПЧ и всех связанных с ней местных норм, касающихся прав человека; и другой вид оккупации, которая характеризуется отсутствием такого контроля и, таким образом, не допускает применения ЕКПЧ и всех связанных с ней местных норм в области прав человека. Представляется, что такой результат не согласуется с определением оккупации, которое можно вывести из статей 42 и 43 Гаагского положения 1907 г. В соответствии с этими статьями ключевым элементом определения военной оккупации является именно эффективность контроля, осуществляемого оккупационной армией, что соответствует фактическому осуществлению властных полномочий оккупантом⁴⁸.

46 Ibid., para. 124.

47 Roberts, примечание 1 выше, с. 598–9.

48 Статья 42 (2) Гаагского положения в формулировке оригинала на французском языке устанавливает: 'Occupation ne s'étend qu'aux territoires où cette autorité est établie et en mesure de

С учетом этого нельзя отрицать полезность критерия территориального эффективного контроля для определения экстерриториальной применимости ЕКПЧ, поскольку могут возникать ситуации, в которых государство осуществляет эффективный контроль за пределами своей территории, и не только в виде военной оккупации. Европейский суд по правам человека уже рассматривал такие ситуации⁴⁹. Однако обратное не является справедливым: ситуация военной оккупации без эффективного контроля над оккупированной территорией немыслима, поскольку военная оккупация по определению является фактически ситуацией, характеризуемой эффективным контролем оккупирующей державы над оккупированной территорией. Другими словами, в Гаагском положении не предусмотрена возможность оценивать степень эффективности территориального контроля, для того чтобы установить, какие обязанности должны быть возложены на оккупанта. Подобная оценка, напротив, должна быть сделана при определении применимости ЕКПЧ. В результате признание военной оккупации равнозначно признанию степени территориального контроля со стороны оккупанта, которая, в силу определения военной оккупации, удовлетворяет условиям статьи 1 ЕКПЧ. Исключение ответственности Соединенного Королевства за нарушения прав человека, от которых пострадали определенные из указанных иракских гражданских лиц, на том основании, что британская армия не осуществляла эффективного контроля в городе Басра, наряду с признанием в то же самое время, что Британия была оккупирующей державой в этом городе, таким образом, противоречиво с точки зрения права военной оккупации.

Черты прав человека у права военной оккупации

Хотя выдающиеся тексты, кодифицирующие право прав человека, редко содержат руководящие принципы касательно их применимости во время вооруженных конфликтов и хотя ни право Гааги, ни право

s'exercer, в то время как статья 43 говорит, 'L'autorité de pouvoir légal ayant passé de fait entre les mains de l'occupant'. О критерии эффективности в праве оккупации см.: Roberto Ago, *Il requisito dell'effettività dell'occupazione in diritto internazionale*, ARE, Roma, 1934, p. 125.

49 См., например, дела: *Gentilhomme v. France*, European Court of Human Rights (ECtHR) No. 48205/99, 14 May 2002; *Banković and Others v. Belgium and 16 Other Contracting States*, (dec.) [GC], No. 52207/99, ECtHR 2001-XII; *Assanidze v. Georgia* [GC], No. 71503/01, ECtHR 2004-II; *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia* [GC], No. 48787/99, ECtHR 2004-VII; *Issa and Others v. Turkey*, ECtHR No. 31821/96, 16 November 2004.

Женевы не составлены в формулировках прав человека, нельзя отрицать, что в обоих случаях международное право стремится гарантировать каждому человеку хотя бы минимум защиты от действий государств. Как отмечалось выше, в основе права вооруженных конфликтов и норм права прав человека лежит одно и то же положение: необходимость обеспечить защиту человеку в его отношениях с государством, ввиду его уязвимости перед этим государством. Право оккупации также установило уже в 1907 г. в Гаагском положении правовые гарантии для гражданских лиц на оккупированной территории, предоставляющие им защиту от правонарушений со стороны оккупирующей державы в том, что касается национального права, безопасности, права на жизнь и частную собственность, семейного права, присяги на верность своей стране, религиозных убеждений и практики и коллективных наказаний⁵⁰. Другими словами, право военной оккупации возникло, так сказать, с целью защиты прав человека *ante litteram* и было развито и укреплено в ходе двух основных этапов развития права Женевы в 1949 и в 1977 гг.

Несмотря на это право военной оккупации остается неполным в том, что касается защиты гражданских лиц. Тот факт, что право прав человека обычно применяется к военной оккупации, как это продемонстрировано в предыдущих разделах, дает нам важный инструмент для заполнения этих пробелов, особенно если дело касается гражданских и политических прав. Эти права практически отсутствуют в Гаагском положении, Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I, но полностью рассмотрены в текстах по правам человека, как в плане их содержания, так и в отношении возмещения в случае нарушения⁵¹. Они крайне важны в случае оккупации, в основном потому, что такие права часто становятся предметом мер, в отступление от обязательств, принимаемых оккупантом, если они вступают в конфликт с его интересами⁵². В частности, требование, чтобы оккупирующая сторона восстановила и обеспечила «общественный порядок и общественную жизнь», которое изложено в статье 43 Гаагского положения, может разрешить принятие мер на оккупированной территории, которые предусматривают соблюдение гарантий, установленных в международном гуманитарном праве (особенно в Женевской конвенции IV), но в то же самое время допускают отступление от обязательств в соответствии с правом

50 См.: Гаагское положение 1907 г., статьи 43–51.

51 Benvenisti, *The International Law of Occupation*, Princeton University Press, Princeton, 1992, p. 189.

52 Benvenisti, примечание 14 выше, с. 30.

прав человека⁵³. Далее, если условия оккупации позволяют, оккупирующая держава может принять решение о восстановлении действия некоторых гражданских и политических прав и, сделав это, будет вынуждена, в силу отсутствия положений по этому вопросу в праве оккупации, руководствоваться нормами, предоставляющими защиту правам человека⁵⁴. Эти нормы устанавливают стандарты для гражданских и политических прав, стандарты, содержание которых будет приспособлено оккупантом к конкретным потребностям ситуации. Право оккупации ничего не говорит и о таких вопросах, как дискриминация на рабочих местах или в школах, либо о правах «третьего поколения» — например, права на безопасную окружающую среду. Значит, в соответствующих случаях оккупант должен снова обращаться к праву прав человека, единственному корпусу права, которое может предоставить отдельному лицу четкие нормы и необходимые механизмы возмещения вреда⁵⁵. И наконец ссылкой на тот факт, что национальное право оккупированного государства не предусматривает уважения основных прав человека, оккупант может ввести в действие оговорку о «неодолимом препятствии», которая содержится в статье 43 Гаагского положения, чтобы оправдать свое несоблюдение соответствующих национальных законов и ввести законодательные меры, необходимые, для того чтобы привести право оккупированного государства в соответствие с международными стандартами прав человека⁵⁶.

Уравновесить интересы оккупирующей армии и прав гражданского населения

Право военной оккупации принимает во внимание не только интересы гражданского населения на оккупированной территории, но и интересы оккупирующей державы. Поэтому цели в области соблюдения прав человека должны быть сопоставлены с военной целью, заключающейся в том, чтобы дать возможность оккупанту продолжать, насколько это в его силах, его военные усилия, направленные на поражение государства противника. Оккупирующая держава фактически уча-

53 Marco Sassòli, 'Legislation and maintenance of public order and civil life by occupying powers', *European Journal of International Law* (2005), pp. 664–5. В частности, Сассоли сосредоточивает внимание на уголовном преследовании.

54 Benvenisti, примечание 51 выше, с. 189.

55 См.: Roberts, примечание 1 выше, с. 594.

56 См.: Sassòli, примечание 53 выше, с. 665 и сл.

ствует в вооруженном конфликте, который еще не закончен, и должна обеспечить не только уважение прав гражданского населения на оккупированной территории, но и безопасность оккупирующей армии и выполнение своих военных задач. Право военной оккупации поэтому предназначено обеспечить некоторый необходимый баланс между интересами местного населения и интересами оккупирующей армии. Характерной чертой права оккупации является учет этих двух противоположных аспектов. Следовательно, удовлетворение собственных потребностей оккупирующей державой означает, что те права человека, которые она признает за гражданскими лицами оккупированного государства, могут отличаться от соответствующих прав в мирное время. Например, право на жизнь и запрет на произвольный арест могут толковаться в свете статей 5, 68 и 78 Женевской конвенции IV, которые предоставляют оккупанту полномочия казнить некоторых преступников и арестовывать отдельных лиц, вызывающих подозрение⁵⁷. Аналогичным образом статья 4 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах, которая предусматривает возможность отступления от обязательств в отношении отдельных прав человека в чрезвычайных ситуациях, может толковаться оккупантом в соответствии с серьезностью ситуации. В то время как статья 4 (1) предусматривает, что соответствующее государство должно принимать подобные решения «только в такой степени, в какой это требуется остротой положения», в ходе оккупации это положение может пониматься по-разному в отношении времени и пространства в зависимости от целого ряда параметров, касающихся различных ситуаций, с которыми оккупанту, возможно, придется столкнуться.

Общее соотношение сил между военными требованиями оккупанта и потребностями населения оккупированной территории не установлено; оно изменялось в значительной степени в течение десятилетий вместе с развитием международного права. Мы, в частности, имеем в виду приведение в соответствие с требованиями времени права Гааги, что имело место в Женеве в 1949 г., когда аспект прав человека во время военной оккупации получил значительное развитие в ответ на правонарушения, совершенные державами «оси» во время Второй мировой войны. После 1949 г. равновесие, достигнутое между военными и гражданскими потребностями, продолжало эволюционировать под неизбежным влиянием, оказываемым на право оккупации процессом развития и консолидации прав человека. И все же, несмотря на то что право военной оккупации развивалось в последние десятилетия

57 Ben-Naftali and Shany, примечание 10 выше, с. 104.

в направлении прав человека, оно, как представляется, не может пойти дальше определенных границ, присущих этому правовому режиму. Поэтому нельзя забывать, что в общем, как говорит один автор,

«управление оккупированной территорией оккупантом — это не то же самое, что обычное управление государством собственной территорией: военная оккупация не может быть приравнена к демократическому режиму, и ее задача не заключается в обеспечении благополучия местного населения»⁵⁸.

Существуют тем не менее особые ситуации, которые опровергают данное заявление, как это случилось недавно во время оккупации Ирака США и Великобританией в 2003–2004 гг.: резолюция Совета Безопасности ООН 1483 (2003) поручила коалиционной администрации сотрудничать с Организацией Объединенных Наций в деле «поощрени[я] защиты прав человека», работая с целью установления институтов представительного правления и содействуя проведению широкой и радикальной судебной реформы⁵⁹. И хотя защита прав человека, как мы видели, обычно возможна на основании норм права военной оккупации, *поощрение* защиты прав человека вместе с инициативами по преобразованию организационной и институциональной ткани оккупированной страны является, несомненно, задачей, которую Совет Безопасности специально поставил перед оккупирующей стороной в этом конкретном случае оккупации Ирака, а не обязательством, обычно вытекающим из права военной оккупации⁶⁰. Такой подход, принятый Советом Безопасности, не мог не создать определенную напряженность между правом военной оккупации, которое склонно быть консервативным, особенно в отношении национального права и институтов оккупированного государства, и требованиями преобразований, которые Совет Безопасности хотел поддержать силами оккупирующих держав⁶¹.

58 Dinstein, примечание 30 выше, с. 116.

59 Резолюция Совета Безопасности ООН 1483 (2003), ч. 8 (c), (g) и (i). Когда было заявлено об окончании оккупации в июне 2004 г., Совет Безопасности поручил выполнение этой задачи Специальному представителю Генерального секретаря и Миссии Организации Объединенных Наций по оказанию содействия Ираку (МООНСИ) (резолюция Совета Безопасности 1546 (2004), ч. 7 (b) (iii)).

60 Roberts, примечание 1 выше, с. 613.

61 В этом отношении см.: *ibid.*, с. 580–622.

Заключение

В заключение хотелось бы сказать, что кратко описанная в настоящей статье схема поднимает больше вопросов, нежели дает ответов, и мы это понимаем. Богатство норм и сложность права военной оккупации и права прав человека, а также необходимость высветить взаимоотношения *lex specialis*–*lex generalis* между ними с учетом эволюции этих двух сводов права в последние десятилетия — все это элементы, которые часто очень затрудняют любые усилия по определению точного содержания прав гражданского населения во время военной оккупации. Эта трудность — неизбежный результат пересечения двух различных правовых режимов, оба из которых нужны для регулирования разных аспектов военной оккупации. В то же время это, несомненно, делает применение права менее понятным, особенно для военных, которые необязательно располагают временем и специализированными инструкциями, требующимися для рассмотрения всех тонких изменений, которые могут возникнуть в каждом конкретном случае. Военные уставы и наставления, конечно, являются крайне важным практическим источником разъяснений, но чтобы уравновесить различные интересы и ценности (интересы оккупирующих сил и интересы гражданского населения, защиту прав человека и отступление от обязательств, необходимое для поддержания порядка) требуются дальнейшие усилия со стороны правоведов, с тем чтобы пролить свет на многие серые зоны, которые все еще существуют во взаимоотношениях права прав человека и права военной оккупации.